

УДК 323

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КНР

Макарова Наталья Константиновна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научный руководитель – Ахметкаrimов Булат Гумарбаевич,

PhD, заведующий кафедрой международных отношений, мировой

политики и дипломатии,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: pankratova.nk@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению основных направлений и особенностей деятельности Китайской Народной Республики в сфере обеспечения внутренней, региональной и международной безопасности. Обозначается место и роль КНР на международной арене, а также участие в региональных и международных структурах по решению проблем терроризма. Актуальность исследования политики КНР в вопросе противодействия терроризму определяется текущей геополитической ситуацией и настоящей военно-политической нестабильностью как в мире, так и в регионе, в частности. Цель статьи заключается в исследовании политики Китайской Народной Республики в борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян-уйгурские радикалы, исламский экстремизм, терроризм, террористические угрозы, международные отношения.

FEATURES OF PRC SECURITY POLICY

Abstract. The article is devoted to the study of the main directions and features of the activities of the People's Republic of China in the field of ensuring internal, regional and international security. The place and role of the PRC in the international arena, as well as participation in regional and international structures to solve the problems of terrorism, are outlined. The relevance of the study of the PRC's policy in countering terrorism is determined by the current geopolitical situation and the real military-political instability both in the world and in the region, in particular. The purpose of the article is to study the policy of the People's Republic of China in the fight against terrorism.

Key words: *China, Xinjiang Uyghur radicals, Islamic extremism, terrorism, terrorist threats, international relations.*

В течение последних двух десятилетий Пекин активизировал международное сотрудничество в борьбе с терроризмом, а также усилился в стремлении укрепить политические и правоохранительные связи за рубежом и сдерживать деятельность своих внутренних угроз. Эти усилия являются результатом проведенной Пекином в 2001 году переоценки своей уязвимости перед террористическими угрозами и вызовов в борьбе с ними. Усилия по укреплению международного сотрудничества в борьбе с терроризмом также отражают признание Пекином терроризма в качестве транснациональной угрозы и тот факт, что многие из новых вызовов терроризму, с которыми сталкивается Пекин сегодня, имеют свои корни за пределами его границ.

Китай активно участвует в региональных и международных структурах по решению проблем терроризма. Китай является постоянным членом Контртеррористического комитета Организации Объединенных Наций и подписал, ратифицировал или присоединился ко многим протоколам и международным конвенциям, касающимся терроризма. Участие Китая в международных усилиях по борьбе с терроризмом часто комментируется в докладах Госдепартамента США. Региональные форумы, на которых китайские официальные лица подписали заявления с антитеррористическими компонентами, включают региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), АСЕАН плюс 3, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) [1].

Поскольку исламские экстремистские угрозы с 1990-х годов стали общим предметом внимания и основным направлением сотрудничества между Китаем и государствами Центральной Азии. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) предоставляет Китаю важную региональную и даже международную платформу для борьбы с терроризмом. Подчеркивая устойчивое сотрудничество в области безопасности и противодействие терроризму мирным путем в рамках

"Шанхайского духа", ШОС помогает стабилизировать внутреннюю обстановку в области безопасности Китая, одновременно укрепляя экономическое и культурное сотрудничество страны со своими центральноазиатскими соседями.

Нет ни одного документа, в котором Пекин обозначил бы свои задачи по международному антитеррористическому сотрудничеству. Однако можно предположить его мотивы, исходя из анализа заявленных Пекином национальных интересов, а также его публичных заявлений, действий и запросов в отношении борьбы с терроризмом. Эти цели международного антитеррористического сотрудничества, вероятно, включают в себя:

- Снижение нестабильности в соседних государствах, что позволяет процветать терроризму.
- Предотвращение вступления своих граждан в международные террористические группы.
- Репатриация лиц, подозреваемых в терроризме.
- Расширение контртеррористических возможностей своих служб безопасности.

На протяжении большей части последних двух десятилетий Пекин испытывал озабоченность по поводу безопасности своей западной границы. В "Белой книге" 2015 года говорится, что "бездержанный... терроризм, сепаратизм и экстремизм" оказывают пагубное воздействие на безопасность и стабильность на периферии Китая [2]. Из восьми стран, граничащих с Китаем, четыре имеют слабые центральные правительства и страдают от отсутствия безопасности.

Афганистан особенно нестабилен, и экстремистские группировки действуют по всей стране. Пакистан является домом для многочисленных воинствующих экстремистских организаций, в том числе ETIP, которая взяла на себя ответственность за некоторые террористические нападения, которые произошли на китайской земле.

Кыргызстан является домом для третьего по величине числа этнических уйгуров за пределами Китая [3]. Госдепартамент США прокомментировал, что пограничные споры Китая с соседними Таджикистаном и Узбекистаном вкупе с

ограниченной способностью Бишкека контролировать свою южную границу могут способствовать созданию безопасных убежищ для террористов [4].

Таджикистан, беднейшая из бывших советских республик в Центральной Азии, страдает от безработицы, коррупции, наркоторговли и слабых центральных институтов.

Главная озабоченность Китая, вероятно, заключается в том, что нестабильность и беззаконие, которые поражают эти районы, могут создать условия, позволяющие процветать терроризму. Кроме того, близость этих районов к КНР, особенно Синьцзяну, породила у китайцев опасения, что уйгурские боевики могут использовать эти районы в качестве плацдармов для нападений на КНР или соединиться с исламскими боевиками, уже действующими в Афганистане и Пакистане. Осложняет ситуацию для Пекина тот факт, что западная граница Китая с этими странами является отдаленной, гористой, малонаселенной и чрезвычайно труднодоступной. Например, в 2007 году правительства Китая и Кыргызстана договорились усилить контроль над их общей границей в ответ на обеспокоенность Пекина тем, что предполагаемые террористы проникают в этот район с целью совершения нападений [5]. Старший полковник Мэн Сянцин из Национального университета обороны назвал Китай "главной жертвой" трансграничных террористических атак [6].

Пакистан и Афганистан являются главным центром усилий Пекина в этом отношении. Пекин сильно полагается на Исламабад, чтобы сделать больше для борьбы с деятельностью ETIM и ETIP, которые, как полагают, действуют в пакистанской беззаконной провинции Северный Вазиристан [7]. Бывший министр иностранных дел Пакистана Хуршид Махмуд Касури был процитирован в СМИ КНР, заявив, что "ни для кого не секрет", что "синьцзянские экстремисты" живут в племенных районах Пакистана [8]. Пекин был полон похвал за пакистанские авиаудары по целям ETIM в июне 2014 года, которые пакистанские военные охарактеризовали как массированный удар по террористам [9], в ответ на операцию, пресс-секретарь Министерства иностранных дел КНР (МИД) высоко оценила жертвы Пакистана и его

“позитивный вклад” в борьбу с международным терроризмом, заявив журналистам, что Пекин поддерживает усилия Исламабада по борьбе с терроризмом [10].

Есть также признаки того, что Пекин все активнее участвует в усилиях по уменьшению нестабильности в Афганистане. Пекин, как представляется, играет более активную роль в афганских делах в последние годы, особенно в ответ на сокращение сил НАТО. В октябре 2014 года Пекин провел встречу министров иностранных дел стран-участниц Стамбульского процесса и предложил выступить посредником в переговорах между афганским правительством и движением "Талибан" [11]. Китай также принимал двухдневные переговоры в Урумчи между афганским правительством и талибами, которые, по-видимому, проводились при посредничестве пакистанской межведомственной разведки (ISI) [12]. Наконец, Китай-наряду с Соединенными Штатами, Пакистаном и Афганистаном—также является членом четырехсторонней Координационной группы по афганскому миру и примирению, присутствуя на первом заседании группы в Исламабаде 11 января 2016 года [13].

Афганистан при талибах служил важной базой для исламского экстремизма в Центральной Азии; многие исламские экстремисты и террористы проходили подготовку в этой стране. Ряд исламских экстремистов и террористов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая также получили подготовку и поставки от "Аль-Каиды" и талибов в Афганистане. Неполные статистические данные свидетельствуют о том, что за последние три десятилетия “сепаратистские, террористические и экстремистские силы совершили тысячи террористических актов в Синьцзяне, убив большое число ни в чем не повинных людей и сотни полицейских, причинив неизмеримый ущерб имуществу”[14], если быть более точным, то с 1990 по 2001 год уйгурские экстремисты и террористы осуществили в Синьцзяне более 200 терактов, в результате которых погибли 162 человека и более 400 получили ранения [15]. "Аль-Каида" во главе с Усамой бен Ладеном организовала в Афганистане тренировочные лагеря для китайских исламских экстремистов, а Афганистан, в котором доминировали

талибы, стал главной внешней угрозой социальной стабильности и безопасности в китайском Синьцзяне [16]. Некоторые уйгурские экстремисты и террористы также проникли в центральноазиатские государства и Россию, чтобы присоединиться к местным террористическим группировкам. После американского вторжения в Афганистан многие центральноазиатские исламские экстремисты сражались бок о бок с талибами против возглавляемых Вашингтоном коалиционных сил в 2001 году. Некоторые исламские экстремисты из Центральной Азии бежали в Пакистан и вступили в сложную систему местных пуштунских племенных союзов [17]. После того как в 2011 году разразилась Арабская весна, особенно гражданская война в Сирии, тысячи исламских экстремистов, в том числе из Центральной Азии и Китая, отправились в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к “Исламскому государству” (ИГ) и другим Исламским экстремистским группировкам [18]. Тем временем некоторые исламские экстремисты и террористы присягнули на верность лидеру ИГ Абу Бакру аль-Багдади и создали свои собственные отделения в Афганистане и Пакистане [19].

Была также построена сеть, связывающая исламских экстремистов из Центральной и Юго-Восточной Азии. Сообщения о вербовщиках ИГ в Гонконге, приближающихся к индонезийцам и использующих Малайзию в качестве центра сбора потенциальных боевиков, еще больше встревожили Пекин, поскольку в ряды ИГ вступило все больше уйгуров. В июле 2013 года ведущие китайские СМИ GlobalTimes обвинили уйгурских исламских террористов в получении подготовки и поддержки от повстанческих группировок в Сирии и Турции [20]. Егроза уйгурских экстремистов стала очевидной в августе 2015 года, когда несколько уйгурских исламских террористов убили почти два десятка человек в индуистском храме Эраван в Бангкоке, Таиланд. Как предупредил вице-министр общественной безопасности КНР Мэн Хунвэй, наибольшую озабоченность у Китая вызывает возможное массовое возвращение уйгурских исламских боевиков [21].

Для противостояния вызовам, вызванным экспансией "трех сил зла" (терроризма, сепаратизма и экстремизма) в Центральной Азии и Синьцзяне, Китаю как ведущему члену ШОС стало необходимо активизировать контртеррористическое сотрудничество в рамках организации. Начиная с 2001 года членами ШОС был подписан ряд ключевых документов о сотрудничестве в борьбе с терроризмом:

- Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- Глава Шанхайской организации сотрудничества;
- Соглашение о борьбе с терроризмом;
- Соглашение о контртеррористической базе данных;
- Руководство по сотрудничеству в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2007–2009 годы;
- Соглашение о военных учениях;
- Соглашение о контртеррористических учениях;
- Соглашение о борьбе с контрабандой оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов;
- Соглашение между Афганистаном и государствами-членами ШОС о борьбе с контрабандой наркотиков, терроризмом и организованной преступностью;
- Соглашение о контртеррористической подготовке;
- Соглашение о порядке противодействия терроризму;
- Руководство по сотрудничеству в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2010–2012 годы;
- Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма;
- Декларация Ташкента;
- Декларация Астаны;

- Руководство по сотрудничеству в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2013–2015 годы;
- Заявление глав ШОС о совместном противодействии международному терроризму;

Между тем, сотрудничество ШОС в борьбе с терроризмом расширилось и на другие направления, чтобы сдерживать финансовые ресурсы террористических сетей в регионе. Например, поскольку контрабанда наркотиков является одним из основных источников финансирования исламских экстремистов и террористов в Центральной Азии, члены ШОС подписали в 2004 году соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, призвав все страны “содействовать двустороннему и многостороннему международному сотрудничеству в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров, а также в предупреждении и контроле за употреблением наркотиков [22].

За последние два десятилетия различные государства-члены ШОС сотрудничали в различных многосторонних контртеррористических учениях [23], и Китай принимал участие во всех учениях. Фактически военные учения ШОС стали важной площадкой как для китайских вооруженных сил, так и для вооруженной полиции, поскольку именно на этих учениях ШОС китайские военные и полицейские впервые столкнулись со своими зарубежными коллегами. Учения” Союз-01 “в 2002 году стали первыми военными учениями китайских вооруженных сил с иностранными государствами, а учения” Союз-2003 ” - первыми совместными учениями, проведенными на территории иностранного государства.⁴

С 2012 внутренние нападения в Китае стали более частыми, более географически рассредоточенными и более неизбирательными. Китайские граждане также сталкивались с растущим числом нападений за рубежом.

---

⁴ В отличие от большинства других учений, “Мирная миссия- 2014”приняла много наблюдателей, включая Иран, Пакистан, Афганистан, Монголию, Индию, Шри-Ланку, Беларусь, Турцию и более 60 военных атташе из Китая.

Сообщения китайских СМИ о террористических актах, значительно возросли за этот период. Хотя большинство этих инцидентов произошло в Синьцзяне, крупные города Пекин, Куньмин и Гуанчжоу также подверглись массовым нападениям за последние три года. Кроме того, китайские полицейские аналитики отмечают растущую тенденцию массовых поножовщин и взрывов в общественных местах с интенсивным движением с 2012 года. В настоящее время Китай рассматривает свои террористические угрозы в первую очередь как внутренние. Усилия Китая по борьбе с терроризмом в настоящее время сосредоточены преимущественно на его преимущественно мусульманском этническом Уйгурском населении, сосредоточенном в западном Синьцзяне.

На сегодняшний день при обсуждении событий в Китайской Народной Республике официальное использование Китаем термина “террорист”, как представляется, используется почти исключительно для описания людей и групп, связанных с Синьцзяном. Однако восстания и беспорядки среди этнических тибетцев Китая также были охарактеризованы некоторыми китайскими правоохранительными экспертами как терроризм. Духовное движение Фалуньгун обычно описывается китайскими официальными лицами как “культ зла”, но связанные с правительством эксперты по безопасности иногда называют его частью террористической угрозы Китая. Однако недавние террористические акты, жертвами которых стали китайские граждане за рубежом, в частности взрывы в храме Эраван, стрельба в Бамако и убийство ИГ Фан Цзинхуэя, заставляют Китай уделять больше внимания международному терроризму. Быстро расширяющиеся интересы Китая за рубежом и рабочая сила экспатриантов в странах с серьезными проблемами терроризма усиливают чувство уязвимости Китая перед терроризмом за пределами Китая и усиливают необходимость совершенствования его средств защиты граждан за рубежом. Китай также обеспокоен тем, что некоторые международные террористические группы за пределами его границ могут повлиять на ситуацию в Синьцзяне. Китай еще не опубликовал общедоступный всеобъемлющий документ о стратегии борьбы с терроризмом, аналогичный Национальной стратегии борьбы с

терроризмом, которая была впервые опубликована Соединенными Штатами в 2003 году.

Китайские власти считают, что с 1990 года в Синьцзяне существует “шесть стадий” терроризма и что за это время возможности ТИР, включая его тактику, выбор целей, географический охват и международные связи, развивались и росли, как и опасность, которую он представляет в стране [24]. По мнению автора, это нападение на площади Тяньаньмэнь послужило началом “седьмого этапа ” связанного с уйгурами терроризма, который теперь будет включать нападения за пределами традиционного района Синьцзяна.

В этой статье исследуются последние тенденции в воинственности и терроризме, связанные с уйгурами. В нем дается конкретная оценка угроз безопасности критической национальной инфраструктуры Китая, в первую очередь железных дорог, возникших в 2013 и 2014 годах, и того, как насилие, которое ранее сдерживалось в Синьцзяне, начало распространяться по всей стране. В статье также будет дана оценка эволюции ТИР и ее средств массовой информации, а также роли небольшого числа радикализированных уйголов в подготовке террористических актов за пределами Китая и участии в глобальных театрах конфликтов.

Термин "уйгуры" относится к тюркскому, преимущественно мусульманскому народу, который сосредоточен в Синьцзяне, являющемся крупнейшим административным районом Китая. Уйгуры составляют 45% населения региона, в то время как 40% составляют ханьцы [24].

Под председательством Мао Цзэдуна Китай возродил термин "уйгуры" в рамках более широкой инициативы по урегулированию этнической напряженности. В соответствии с политикой Пекина этнические меньшинства получили особое признание и ограниченные полномочия в управлении специально выделенными автономными районами. Это должно было побудить их поддержать китайское государство в будущем [25].

Однако для уйголов политика китайского меньшинства иронически создавала ощущение общей идентичности в исторически разделенном народе.

Синьцзян редко представлял собой единое политическое образование, но вместо этого представлял собой набор сельских оазисов, разделенных горами, клановыми конфликтами и столкновениями между фермерами и кочевыми скотоводами [26].

Анализируя все вышеизложенное, автор отмечает, что трудно определить характер и масштабы проблемы терроризма в Китае. Отсутствие подробной информации, обнародованной китайским правительством о насилии в Китае, и отсутствие надежных альтернативных средств для независимого подтверждения затрудняют выявление, оценку или оценку актов терроризма, происходящих на китайской территории. В некоторых случаях акты насилия, которые китайские официальные лица и государственные СМИ называют терроризмом, не соответствуют определениям этого термина, широко принятым за пределами Китая. В то же время другие случаи насильственных преступлений, которые наблюдатели назвали бы терроризмом, используя эти определения, иногда не описываются китайскими властями как терроризм. Ключевые вопросы остаются в основном без ответа в официальных заявлениях Китая и репортажах авторитетных средств массовой информации, а также часто отсутствуют адекватные независимые источники, касающиеся деталей сообщаемых инцидентов.

Мятеж, как и всякая война – это борьба за влияние на противника и его политическую волю. Противостоять мятежу было бы невозможно без воли к действию, независимо от того, насколько способны силы, богата страна или необходима борьба. Политическая воля – это набор глубоких убеждений и предпочтений, которыми обладает общество, и она является причинно-следственным фактором, способствующим эффективному противодействию мятежу. Там, где общественное мнение эфемерно и подвержено манипуляциям событий и лидеров, политическая воля – это общая эмоция в обществе, которая сохраняется.; Это подземный резервуар, который поддерживает или поддерживает государство во время бурных событий.

Этот резервуар является центром притяжения, с которым должны бороться повстанцы и государство. Точно так же, как повстанцы должны убедить местное общество в том, что мятеж представляет собой лучший или единственный путь вперед, государства не могут долго выживать в дорогостоящих авантюрах и проектах на периферии, если ядро отвергает их. Просто чем больше политическая воля, тем больше вероятность успешного противодействия мятежу. Китай обладает огромным и постоянно пополняющимся запасом политической воли для противостояния мятежу в Синьцзяне в силу социально-структурных и исторических факторов. Четыре крайне важных элемента формируют этот ключевой стимулирующий ресурс: первичное положение Коммунистической партии; стремление государства к безопасности; контроль за СМИ; и потребность народа в стабильности.

Библиографический список

1. U.S. Department of State, Country Reports on Terrorism 2005, 66; U.S. Department of State, Country Reports on Terrorism 2006, 32; U.S. Department of State, Country Reports on Terrorism 2007, p.32
2. Военная стратегия Китая: девятая «Белая книга», 2015,- Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm
3. Yitzhak Shichor, “Lost Nation: Stories from the Uyghur Diaspora,” Forced Migration Online, 2006, accessed September 15, 2015, Режим доступа: <http://www.forcedmigration.org/podcasts-videosphotos/video/uyghur>.
4. U.S. Department of State, Country Reports on Terrorism 2014, Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/crt/2005//index.htm>
5. “China: Border Security Tightened Amid 'Terrorist Infiltration' Warning,” Radio Free Europe, January 11, 2007, Режим доступа: <http://www.rferl.org/content/article/1073946.html>
6. Zhang Yunbi and Zhao Yinan, “Close Ranks to Combat Evil Forces, Xi Urges,” China Daily, August 29, 2014
7. Xu Beina, Fletcher, and Bajoria, The East Turkestan Islamic Movement

(ETIM).

8. “ETIM Once Purchased Ingredients for Manufacturing Explosives and Poisons in an Attempt to Disrupt Beijing Olympics,” Global Times, September 21, 2013, Режим доступа: <http://mil.huanqiu.com/china/2013-11/4583776.html>

9. Zahir Shah Sherazi and Mateen Haider, “Karachi Airport Attack Mastermind Killed in N Waziristan: Sources,” Dawn, June 15, 2014, <http://www.dawn.com/news/1112901/karachiairport-attack-mastermind-killed-in-n-waziristan-sources>; U.S. Congressional-Executive Commission on China, Annual Report, October 2014, Режим доступа: http://www.cecc.gov/sites/chinacommission.house.gov/files/2014%20annual%20report_0.PDF.

10. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying, “Regular Press Conference on June 17, 2014”

11. Maria Golovnina, “China Offers to Mediate in Stalled Afghan Taliban Peace Talks,” Reuters, February 12, 2015, Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2015/02/12/us-pakistan-chinaidUSKBN0LG1UP20150212>

12. Margherita Stancati, “Afghan Peace Envoy Met Taliban in Secret China Talks,” Wall Street Journal, May 24, 2015, Режим доступа: <http://www.wsj.com/articles/afghan-peace-envoy-met-taliban-in-secretchina-talks-1432486585>

13. U.S. Department of State, Office of the Spokesperson, “Media Note: Joint Press Release of the Quadrilateral Coordination Group on Afghan Peace and Reconciliation,” (Washington, DC, January 11, 2016), Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/01/251105.htm>.

14. The State Council Information Office of the People’s Republic of China, “The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang,” March 2019, Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1649931/1649931.htm>.

15. “Eastern Turkistan Groups’ Commit Crimes in Xinjiang After Training in

Afghanistan” Global Times, February 1, 2002, p. 2.

16. Brynjar Lia, Architect of Global Jihad: The Life of Al-Qaeda Strategist Abu Mus’ab al-Suri (London: Hurst Publisher, 2007), pp. 247–248.

17. David Witter, “Uzbek Militancy in Pakistan’s Tribal Region,” Institute for the Study of War, January 27, 2011, Режим доступа: <http://www.understandingwar.org/sites/>

18. Most Uygur Islamic extremists are concentrated in Idlib province of Syria. See “Turkey’s De-escalation Efforts around Idlib Come with Risks,” Al-Monitor, May 21, 2018, Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/05/>

19. Caleb Weiss, “Uzbek Groups Part of New Offensive in Southern Aleppo,” Long War Journal, June 7, 2016, Режим доступа: <http://www.longwarjournal.org/archives/2016/06/>

20. “Syria Ambassador to China: At Least 30 ETIM Members Went to Syria,” Global Times, July 2, 2018, Режим доступа: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2013-07/4081528.html>.

21. “Chinese Islamic Extremists Might Return to China,” Zaobao News, May 8, 2011, Режим доступа: <http://www.zaobao.com/special/report/politic/cnopol/story20110508-140335>.

22. Shanghai Cooperation Organization, Agreement on Cooperation in Combating Illicit Traffic of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Precursors between the Member States of the Shanghai Cooperation Organization, Article 1, Режим доступа: <http://chn.sectsco.org/documents/>.

23. Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества, Режим доступа: <http://ecrats.org/cn/>

24. N. Dynon, “Kunming: A New Phase of Terrorism in China,” The Diplomat, March 5, 2014.

25. A. Jacobs, “Suspects in China Market Attack Are Identified,” New York Times, May 25, 2014.

26. J. Zenn, “On the Eve of 2014: Islamism in Central Asia”, Hudson Institute, June 24, 2013.